

конструкции является английская конструкция с причастием I. Однако встречаемость последней в английских текстах значительно ниже, чем встречаемость деепричастных конструкций в русских текстах. Отсюда возникает необходимость в таких трансформациях, как, например: Финишировав через 38,20 и 38,50 сек. в беге на 500 м, они заняли соответственно первое и второе места — They clocked 38.20 and 38.50 sec., as they were placed first and second in the 500-m. race.

Переводческая компетенция представляет собой сложную и многомерную категорию, включающую все те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации: особое "переводческое" владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исходным языком и репродуктивное языком перевода), при котором языки проецируются друг на друга; способность к "переводческой" интерпретации исходного текста (т.е. к видению его глазами носителя другого языка и другой культуры); владение технологией перевода (т.е. совокупностью процедур, обеспечивающих адекватное воспроизведение оригинала, включая модификации, необходимые для успешного преодоления "культурного барьера"); знание норм языка перевода; знание переводческих норм, определяющих выбор стратегии перевода; знание норм данного стиля и жанра текста; определенный минимум "фоновых знаний", необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, и в частности то, что называется "знанием предмета", необходимым для успешного перевода в рамках специализации переводчика. Понятие переводческой компетенции может быть конкретизировано применительно к тем или иным разновидностям перевода и включать, например, творческие способности, необходимые для художественного, и в частности поэтического, перевода.

Проблема переводческой компетенции еще ждет своей экспериментальной разработки с позиций психолингвистики. Список переводческих тем, к изучению которых могли бы быть привлечены концептуальный аппарат и исследовательские приемы психолингвистики, мог бы быть продолжен. Важно, чтобы перевод присутствовал в этих исследованиях не в качестве иллюстрации к общим положениям психолингвистической теории (как это порой имеет место), а был бы подлинным объектом анализа, раскрывающего его психолингвистический механизм, его психологическую мотивацию и детерминированность психологическими факторами.

В целом первые шаги, сделанные в направлении установления более тесных связей между теорией перевода и психолингвистикой, открывают интересные перспективы для обеих дисциплин.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Одним из заметных достижений современного языкознания является бурное развитие в течение последних десятилетий его новой отрасли — лингвистики текста. Эта новая лингвистическая дисциплина, объектом которой является связный текст — законченная последовательность высказываний, объединенных друг с другом смысловыми связями, по-

ставила перед собой задачу выявить сущность этих связей и способы их осуществления, обнаружить систему грамматических категорий текста с ее содержательными и формальными единицами, описать на материале текста сущность и организацию условий человеческой коммуникации [Николаева, 1978].

Из этого краткого перечня целей и задач нового направления становится ясной его близость к теории перевода.

Связь между лингвистикой текста, находившейся еще на раннем этапе своего развития, и теорией перевода одним из первых отметил Ю.Найда. По его мнению, теория перевода должна учитывать некоторые общие признаки текстов, которые он назвал "универсалиями дискурса". К ним относятся: 1) различные способы маркирования начала и конца текста, 2) способы маркирования переходов между внутренними подразделениями связного текста, 3) темпоральные связи, 4) пространственные связи, 5) логические отношения (например, причина и следствие), 6) идентификация участников дискурса, 7) различные средства выделения (highlighting) тех или иных элементов для фокусирования на них внимания или для эмпазы и 8) сопричастность автора (author involvement), т.е. его позиция и точка зрения [Nida, Taber, 1969, 181—182].

Маркеры начала и конца текста включают стандартные формулы типа "once upon a time" (ср. рус. *жили-были*) и "they lived happily ever after" (ср. рус. *и стали они жить-поживать, добра наживать*).

Маркеры внутренних переходов представляют собой традиционные способы введения новых подразделений текста типа *on the other hand, however...* 'однако с другой стороны...'; *then all of a sudden...* 'и вдруг...'; *in contrast with all this...* 'в отличие от всего этого...' и др.

К маркерам темпоральных отношений относятся временные союзы, темпоральные фразы типа *the next morning* 'на следующее утро', *all that day* 'весь день', относительные времена типа *Future Perfect* и *Past Perfect*, согласование времен (*He said he came*), последовательность событий, отражаемая порядком слов.

Среди маркеров пространственных отношений выделяются пространственные предлоги, индикаторы расстояния типа *long way off* 'далеко-далеко', *ten miles long* 'длиной в десять миль', *It's a day's trip* 'Езды туда целый день'.

Логические отношения маркируются с помощью модифицирующих предложения наречий (*sentence adverbs*) типа *moreover* 'более того', *therefore* 'поэтому', *nevertheless* 'тем не менее'; союзов, вводящих придаточные предложения (*if, although, because*); отглагольных форм (причастных, герундиальных), зависимых от глагола, выражающего основное событие; лексических единиц, выражающих логические отношения типа *he concluded* 'он пришел к выводу', *he argued* 'он возразил'.

Маркеры последовательного указания на одного и того же референта включают личные местоимения (*he, she, they*), дейктические местоимения (*this, that*) и синонимы (*dog, animal, pet, puppy*).

Участники и событие могут выдвигаться на передний план (на "лингвистическую авансцену") или, напротив, отодвигаться на задний план. Для этого используется сложная синтаксическая структура, иерар-

хия которой маркирует место участников и событий в описываемой ситуации.

Сопричастность автора может быть двух типов — автобиографическая (реальная или фиктивная), маркером которой является местоимение 1-го лица, и оценочная, маркером которой являются оценочные лексические единицы (This was an ugly scene 'Это была безобразная сцена').

Характеризуя указанные черты как "универсалии дискурса", Ю.Найда в то же время отмечает, что в разных языках для их выражения используются далеко не одни и те же средства [Nida, Taber, 1969, 132].

Таким образом, для перевода представляется важным, каким образом реализуются "универсалии дискурса" в контактирующих друг с другом в процессе перевода языках и какие из этого вытекают последствия для структурирования конечного текста. Ср. следующий пример, приводимый Л.С.Бархударовым: "You goin' to court this morning?" asked Jem. We had strolled over — 'Мы подошли к ее забору — Вы в суд пойдете? — спросил Джем' [Бархударов, 1975, 197]. Здесь в качестве маркера темпоральных отношений в английском тексте используется относительное время Fast Perfect, а в русском — порядок следования предложений, соответствующий реальному порядку следования событий; Then I saw old Pancho come around the corner of the wagon (Hemingway) "И тут, вдруг старина Панчо стал огибать фургон..." В этом примере маркер внутреннего перехода then передается контекстуальным эквивалентом и тут вдруг, соответствующим стилистическим нормам данного жанра (повествование ведется в разговорной манере от лица рассказчика); When he arrives in Paris next week, our Foreign Secretary will have to spell out our position 'Когда министр иностранных дел посетит на следующей неделе Париж, он должен будет четко изложить нашу позицию'. Здесь при переводе изменяется порядок следования двух кореферентных единиц — имени и личного местоимения, поскольку в русском тексте первое указание с помощью местоимения (типа 'Когда он посетит Париж, наш министр иностранных дел...') в данном жанре (газетный текст) неприемлемо.

Одной из проблем лингвистики текста, традиционно связанных с теорией перевода, является актуальное членение, или, в другой терминологии, функциональная перспектива предложения. Плодотворной для теории перевода является, в частности, восходящая к Ф.Данешу идея тематической прогрессии, согласно которой темы цементируют текст, тогда как ремы служат для передачи новой информации [Danes, 1968].

Определяя место функциональной перспективы предложения в лингвистическом описании, М.А.К. Хэллидей характеризует ее как явление универсальное и в то же время делает важную оговорку: "...это не значит, что ФПП не релевантна лингвистической характеристологии; существует значительное разнообразие выборов, возможных в различных языках, а также мест и способов их осуществления" [Хэллидей, 1978, 138—139].

Роли и месту функциональной перспективы предложения в переводе посвящена книга Л.А.Черняховской "Перевод и смысловая структура" [Черняховская, 1976]. В ней рассматриваются некоторые особенности

выражения функциональной перспективы предложения в английском языке в сопоставлении с русским и предлагаются модели преобразования речевых структур при переводе с русского языка на английский. К сожалению, рассматривая эти преобразования, Л.А.Черняховская, как правило, не выходит за рамки предложения и не касается текстообразующих функций коммуникативной структуры высказывания. С лингвистикой текста ее работа соприкасается вплотную лишь в главе, посвященной членению и объединению предложений внутри высказываний объемом более предложения.

Проблема текста — одна из центральных проблем теории перевода. Именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанном с интерпретацией оригинала, и именно текст является предметом синтеза на его заключительном этапе. Поэтому эта проблема привлекает к себе пристальное внимание теоретиков перевода. Так, по мнению Р.Штольце, теоретическое осмысление процесса перевода должно строиться на учете тесной связи герменевтики и лингвистики текста, ибо в основе перевода лежит возможность органического соединения герменевтического анализа текста как целого и системного анализа на основе рациональных лингвистических критериев [Stolze, 1982, 49]. В основе разрабатываемой Р.Штольце теории перевода текста лежит представление о форме текста как о выражении коммуникативной интенции отправителя, реализуемой через посредство языка. Анализируя исходный текст, переводчик ставит перед собой вопрос: какую цель преследует отправитель и какие он использует для этого языковые средства? Понимание текста основывается на осознании его целостности с обязательным учетом прагматических правил его построения. При этом важно не только сказанное, но и подразумеваемое. Отсюда возникает необходимость в обязательном учете пресуппозиций, которые должны включать не только сказанное ранее, но и просто известное, "я" говорящего, его социальный статус, фоновые знания и др. [там же, 51—52].

В этой связи уместно вспомнить слова И.Р.Гальперина о роли подтекста, сосуществующего с вербальным выражением, сопутствующего ему и запланированного создателем текста. Выдвигаемое им положение о "содержательно-подтекстовой информации" как об органической части смыслового содержания текста имеет самое непосредственное отношение к переводу [Гальперин, 1981, 42].

На основании сказанного выше об эксплицитных и имплицитных компонентах смысла текста, о роли прагматических факторов в его формировании Р.Штольце делает важный для теории перевода вывод о многоплановости и "сверхсуммарности" смыслового содержания текста. При этом под сверхсуммарностью подразумевается несводимость смысла текста к сумме смыслов его конститuentов. Отсюда, однако, не следует, что, анализируя исходный текст как сверхсуммарное целое, можно в какой-то мере пренебречь семантическим анализом его конститuentов. Дело в том, что раскрывающие содержание текста рекуррентные смысловые признаки (семантически связанные друг с другом лексемы) образуют изотопические плоскости текста, в которых реализуется многоплановая структура его смысла. Именно в результате ин-

теграции отдельных элементов в языковом и внеязыковом контекстах образуется то "приращение информации" (Informationsüberschuss), которое лежит в основе "сверхсуммарности" смысла текста.

Учет семантики текста ставит по-новому для теории перевода и вопрос об учете значений отдельных лексем. Их значение рассматривается не как фиксированный срез определенного набора семантических признаков (как это имеет место в жестких моделях структурной семантики), а как "гибкая совокупность сем и прагматических параметров, изменчивые сочетания которых проецируются в плоскость текста" [Stolze, 1982, 93—104].

Наряду с семантикой текста существенное значение для теории перевода имеет и стилистика текста. Разработкой проблем связи типологии текста с теорией перевода занимается К. Райс, посвятившая этим проблемам ряд работ, в том числе написанную совместно с Г. Вермеером книгу "Обоснование общей теории перевода", в которой используется концептуальный аппарат теории информации, лингвистики текста и функциональной стилистики [Reiss, Vermeer, 1984].

В основу разрабатываемой К. Райс теории перевода положена теория жанров текста (Textsoxtheorie), основными понятиями которой являются "тип текста" (Texttyp) и "жанр текста" (Textsorte). Понятие типа текста используется для классификационного выделения универсальных, базисных форм текста в человеческой коммуникации. На основе выполняемых ими самых общих (по К. Бюлеру) коммуникативных функций — репрезентативной (Darstellungsfunktion), выразительной (Ausdrucksfunktion) и апеллятивной (Appellfunktion) вычленяются три типа текста — информативный, экспрессивный и оперативный (ср. использование функциональной типологии Р. Якобсона для описания перевода как коммуникативного акта [Швейцер, 1973, 66—68]).

Жанр текста (Textsorte) — это класс вербальных текстов, выделяемых на основе общности структуры, пределов вариативности и использования в однотипных коммуникативных контекстах. Конкретные признаки дифференциации жанров связаны с тремя семиотическими измерениями — семантикой, прагматикой и синтактикой и относятся к отражению мира в тексте, к выполняемой текстом коммуникативной функции и к внутренней структуре текста. Это определение К. Райс называет признаки жанра, но не раскрывает его сущности.

В этом отношении представляет интерес социальная интерпретация речевого жанра, предлагаемая К.А. Долиным, который полагает, что "каждый сколько-нибудь канонизированный, устоявшийся речевой жанр (приказ по учреждению, постановление суда, научная статья, роман, передовая в газете и т.п.) — это не что иное, как особая социальная роль, в которой речевая деятельность выступает как ролевая деятельность" [Долинин, 1978, 26].

Таким образом, в жанровой вариативности текстов находит свое проявление социальная норма, определяющая специфику выбора языковых средств при порождении текстов тех или иных жанров. В практике перевода сталкиваются три типа социальных норм, отражающих традиции данного общества и данной культуры: 1) нормы построения

текста на исходном языке, 2) нормы построения текста на языке перевода и 3) нормы перевода.

К.Раис, безусловно, права, считая, что нормы, или конвенции, жанра (Textsortenkonventionen) имеют большое значение, поскольку различия между ними становятся наиболее очевидными при выходе за пределы одного языка и одной культуры. Прежде всего различия касаются самой номенклатуры жанров. Наряду с общими жанрами, существующими в любой письменной культуре (письмо, сказка, статья), есть жанры, распространенные в нескольких, но не во всех культурах (например, сонет), и, наконец, жанры, специфичные лишь для одной культуры (например, поэтический жанр хайку в Японии). Конвенции жанров характеризуются также исторической вариативностью (ср. стихотворную форму средневекового научного трактата).

Жанровая дифференциация текстов имеет непосредственное отношение к механизму перевода, к переводческой стратегии. Прежде всего переводчик должен сделать принципиальный выбор — сохранить ли конвенции исходного текста или заменить их конвенциями языка перевода. Если данный жанр отсутствует в другой культуре, то перевод может быть инновационным (т.е. он может положить начало новому жанру в культуре-рецепторе). Так, например, газель, жанр восточной поэзии, был воспроизведен в некоторых переводах на европейские языки. Столь же необходим учет специфики типа текста и определяющей данный тип коммуникативной функции. Только зная функцию исходного текста и его место в исходной культуре, можно оценить значимость отдельных элементов исходного текста. Это положение К. Раис иллюстрирует следующим примером: *Souvent femme varie, bien fol est qui s'y fie*. Если бы это был информативный текст с установкой на передачу денотативного содержания, его можно было бы перевести следующим образом: 'Женщина очень непостоянна (в оригинале буквально сказано: "женщина часто меняется"). Безрассуден тот, кто ей верит'. Однако на самом деле перед нами отрывок из экспрессивного текста (драмы В.Гюго) с установкой на художественную форму. Перевод такого оригинала требует художественной организации текста. Этому требованию отвечает перевод на немецкий язык Г.Бюхнера: *Ein Weib ändert sich jeden Tag. Ein Narr ist, wer ihr trauen mag* букв. 'Женщина меняется каждый день. Глупец тот, кто ей доверяет'. Незначительные смысловые отступления в этом переводе вполне компенсируются передачей художественно-эстетической функции текста [Reiss, Vermeer, 1984, 213].

В своих работах К.Раис правильно обращает внимание на важность передачи коммуникативной функции текста как условия успешного осуществления процесса перевода, однако при этом допускает известное упрощение. Подобно некоторым другим функциональным классификациям текстов, ее классификация фактически сводит функциональную характеристику текста к какой-то одной функции. Между тем реальные тексты, с которыми имеет дело переводчик, как правило, полифункциональны. Прав К.А. Долинин, отмечающий, что "если стиль высказывания (фразы) — в повседневной речевой практике во всяком случае — бывает един и непротиворечив, то стиль сколько-нибудь протяженного

текста, в особенности художественного текста, представляет собой изменчивую, динамическую его характеристику" [Долинин, 1978, 46]. И хотя в одной из работ К.Раис делает оговорку относительно того, что "целый текст не всегда отражает лишь одну из функций языка" и что "на практике существуют бесчисленные перекрещивания и смешанные формы" [Reiss, 1971, 32], в целом следует признать правоту В.Вильса, критикующего К. Раис за то, что она жертвует функциональной многоплановостью текста во имя построения идеальной модели. Например, она безоговорочно относит художественные тексты к текстам, акцентирующим форму (form-betonte Texte).

Принципиально иной подход к проблеме типологии текстов в теории перевода выдвигает А.Нойберт. Расценивая функционально-типологические модели текстов как чрезмерно грубые и статичные, он предлагает для анализа процесса перевода модель "текстов-прототипов" (prototype texts), исторически и социально обусловленных способов организации знания в письменном и устном дискурсе. Опирающийся на социальный опыт и воплощающий наиболее существенные признаки конкретных текстов, текст-прототип обнаруживает специфическое сочетание параметров текстуальности (коммуникативной интенции, ситуативности, информативности, согласованности смыслов, связности), а также специфическую конфигурацию общего для коммуникантов фонда знаний. Он представляет собой глобальную схему того, что сказано, кем, кому, когда и как. Благодаря их комплексной детерминации тексты-прототипы отличаются значительно большим разнообразием, чем типы текстов. В процессе перевода переводчик реализует избранный прототип конечного текста, оценивая при этом удельный вес его детерминантов [Neubert, 1985, 127—132].

В этом отношении от схемы К.Раис выгодно отличается схема, разработанная Ю.В.Ванниковым и положенная им в основу ориентированной на перевод типологии текстов [Ванников, 1985]. Эта схема основана на 14 главных типологизирующих признаках, обобщающих существенные с точки зрения переводческой практики свойства текста: 1) лингвистическая организованность; 2) функциональный стиль; 3) функциональный подстиль; 4) речевой модус; 5) доминирующее логическое содержание; 6) предметное (тематическое) содержание; 7) форма речевой презентации; 8) жанровая дифференциация; 9) информационная первичность—непервичность; 10) экспрессивно-стилистическая отмеченность; 11) основные прагматические функции; 12) конкретные целевые установки; 13) типы адекватности текста; 14) типы адекватности перевода.

К лингвистической организованности относится противопоставление текстов с жесткой структурой (например, научно-технических) и с мягкой структурой (например, художественных). Этот признак учитывает также степень связности текста. Функциональные стили выделяются в зависимости от сферы общения (научно-технический, социально-деловой и др.).

Подстили более отчетливо противопоставлены коммуникативным установкам и прагматическим функциям (например, поде гиль технических текстов внутри научно-технического стиля). Речевой модус — это способ изложения, характерный для текста (экспликативный, дескриптив-

ный и т.п.). К доминирующему логическому содержанию относятся: тип рассуждения (например, цепочка умозаключений), тип доказательства (по существу, по аналогии, от противного и т.п.), смысловая структура вывода, различные виды определений. Предметное содержание научного текста строится на основе классификации наук (философские, естественные и технические, социальные). Форма презентации тесно связана с функциональными подстилями и жанрами (устный текст, письменный текст). Каждый функциональный подстиль характеризуется жанровой дифференциацией (жанры учебного подстиля — учебник, учебное пособие, лекция). Информационно-первичные тексты включают монографию, статью, диссертацию и др., а информационно-вторичные — реферат, аннотацию, перевод, рецензию. По признаку экспрессивно-стилистической отмеченности тексты делятся на стилистически отмеченные и стилистически не отмеченные. Главные прагматические функции лежат в основе изначальной ориентации текстов на носителей исходного языка или носителей языка перевода, а конкретные функции — в основе выделения информирующих, предписывающих, ориентирующих и систематизирующих текстов. Наконец, адекватность текста определяется по его соответствию коммуникативной установке.

Типология, разработанная Ю.В.Ванниковым, может показаться несколько громоздкой. Однако ее дробность делает ее более адекватной поставленной задаче — отражению реального многообразия текстов. Существенным преимуществом этой типологии является также и то, что она учитывает наличие смешанных и переходных случаев. Так, например, Ю.В.Ванников особо выделяет такие функционально неоднородные тексты, как информирующе-предписывающие, предписывающе-систематизирующие и др.

Исходя из полифункциональности текста, нами было в свое время выдвинуто положение о функциональных доминантах текста как о комплексе функциональных характеристик, играющих в нем ведущую роль, отвечающих коммуникативной установке отправителя и определяющих закономерности анализа и синтеза текстов в процессе перевода. Специфичная для данного текста конфигурация функциональных доминант (набор ведущих функциональных характеристик) и определяет вместе с коммуникативной установкой и социокультурными нормами тот инвариант, который подлежит сохранению при переводе [Швейцер, 1973, 68—70]. Подробнее на этой проблеме мы остановимся ниже, в связи с вопросами о сущности перевода, а также об эквивалентности и переводимости. Сейчас же ограничимся указанием на то, что сказанное выше о связи функциональных характеристик текста со стратегией перевода не означает, что эти характеристики жестко и однозначно детерминируют переводческое решение. Напротив, изменчивый, динамический характер этих характеристик порой существенно видоизменяет решение переводчика в процессе перевода разных фрагментов одного и того же текста.